

И. В. Богословская

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА И ТЕКСТА

В статье рассматриваются универсальные и специфические черты стратегий вербального поведения испытуемых с различными личностными установками, в качестве характеристик индивидуального и коллективного полей называется наличие или отсутствие равновесия и симметрии в механизмах ассоциирования.

Ключевые слова: экстраверт, интроверт, стратегии идентификации, внутренний мир слова и текста, равновесие связей ассоциативного поля.

Анализируя истоки проблемы понимания текста, в частности, текстанаучно-популярного, мы исследовали сложности текста на глубинном уровне¹. Целью данной статьи является определение стратегий понимания текста, используемых читателями с различными личностными установками. Предметом исследования стало ассоциативное поведение испытуемых, что позволило нам обратиться к идее Т. М. Рогожниковой о том, что ассоциативный мир слова и текста являются средством доступа к индивидуальной картине мира человека².

Напомним, что эксперимент, в котором приняли участие испытуемые экстраверты и интроверты, состоял из нескольких частей.

Первая часть представляла собой контекстный ассоциативный эксперимент с фиксацией первой реакции на 19 слов-стимулов из научно-популярного текста. Анализ реакций, полученных в ассоциативном эксперименте, позволил нам смоделировать ассоциативные поля интровертов и экстравертов и выявил универсальные и специфические стратегии ассоциирования, характерные для испытуемых с различными личностными установками³.

Вторая часть – эксперимент с текстом – представляла собой целую серию разнообразных экспериментов: в частности, мы использовали методику денотативного анализа, методику дополнения, методику восстановления текста, в качестве сопутствующего метода были использованы опрос и экспертная оценка трудности текста⁴. Остановимся подробнее на этапе использования методики дополнения. Процедура применения методики дополнения в ходе эксперимента заключалась в следующем. В тексте намеренно делаются пропуски слов, и испытуемые должны восстановить эти пробелы. Как правило, пропускается каждое седьмое слово: по экспериментальным данным, интервал в семь слов наиболее оптимальный; интервал меньше чем в

пять слов и больше чем в одиннадцать влияет на понимание, так как читателю приходится не только восстанавливать связь между словами, но и задействовать кратковременную память. С одной стороны, интервал пропуска меньше чем в 5 слов позволяет читателю продемонстрировать свою способность к запоминанию лучше, чем при большем пропуске, но, с другой стороны, восстановить пробел при таких частых пропусках гораздо сложнее. Соответственно, при более редких пропусках (допустим, до одиннадцати) восстановить пробелы оказывается проще, но, согласно исследованиям Дж. Миллера, кратковременная память способна одновременно удерживать до семи единиц информации. Следует заметить, что в результате понимания текста испытуемый может заполнить пробел синонимом, и его вариант будет более удачным, чем авторский. Мы в своем исследовании рассматривали как правильный не только восстановленный авторский вариант, но и контекстуальные эквиваленты⁵.

Возвращаясь к предмету исследования данной статьи, назовем пропущенное слово условно «стимулом», по аналогии с ассоциативным экспериментом, а все ответы испытуемых, которые они предложили использовать на месте этого стимульного слова, – «реакциями». В результате у нас получается небольшое контекстное ассоциативное поле. Во-первых, следует отметить, что у экстравертов набор реакций меньше, чем у интровертов. Этот факт дает нам возможность подтвердить сделанный ранее вывод о высоком уровне стереотипности реакций у экстравертов. Сопоставительный анализ, представленный в таблице, показал, что интроверты предложили больше разных реакций по сравнению с экстравертами. Только у слова 'гидромотолыжа' мы отмечаем превышение количественного показателя в группе экстравертов.

Соотношение количества разных реакций на стимулы, по двум группам испытуемых
(100 испытуемых в каждой группе), %

СТИМУЛ	Показатель количества разных реакций экстравертов	Показатель количества разных реакций интровертов
ДЕВУШКА	35	42
ГИДРОМОТОЛЫЖА	55	47
ОДИНОЧЕСТВО	45	47
ДЕЛО	46	53
ДОСКА С АККУМУЛЯТОРОМ	52	58
СНАРЯД	42	46
РАЗМЫШЛЕНИЯ	48	51
ИНЖЕНЕР	52	56
ДВИГАТЕЛЬ	33	48
ЛОПАТКИ ТУРБИНЫ	50	64
КОНСТРУКЦИЯ	50	55
ЛАТА	46	53
ВОЙНА	37	41
ВОДА	41	47
СИЛОВАЯ УСТАНОВКА	49	55
СХЕМА	39	47
МЕРТВАЯ ТОЧКА	67	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	28	32

В работе⁵ мы отметили, что ассоциативный эксперимент показал ясную картину использования экстравертами стратегии генерализации, а интровертами – дифференциации. В частности, использование экстравертами стратегии генерализации можно проиллюстрировать следующими примерами: ‘гидромотолыжа’ – *средство передвижения, устройство*, ‘заключение’ – *результат*, ‘инженер’ – *квалифицированный специалист*; интроверты предложили следующие варианты: ‘гидромотолыжа’ – *мотор*, ‘лата’ – *механизм*, ‘двигатель’ – *хождение поршней* (стратегия дифференциации).

Проанализировав теперь результаты «текстовой» части эксперимента на предмет использования испытуемыми тех или иных стратегий, мы не можем подтвердить вывод, сделанный по результатам ассоциативного эксперимента. Мы видим смешение в использовании стратегий экстравертами и интровертами: есть примеры использования экстравертами стратегии дифференциации и интровертами – стратегии генерализации. Если в ассоциативном эксперименте наблюдается четкое разделение в использовании разными типами испытуемых разных стратегий: экстравертами – стратегии генерализации в качестве доминирующей, ин-

тровертами – стратегии дифференциации, то в этой серии эксперимента «границы размыты». Анализ слов-замен, предложенных испытуемыми обеих групп, не позволяет утверждать, что какому-то типу свойственно использование определенной стратегии, оба типа испытуемых используют как стратегию генерализации, так и стратегию дифференциации в процессе идентификации слова. Ассоциативный контекстный эксперимент выявил определенную направленность в использовании испытуемыми стратегий. Текстовая часть эксперимента показала отличия в использовании испытуемыми, принадлежащими к разным типам, стратегий идентификации. На рис. 1 отображены стратегии идентификации слова, применяемые экстравертами и интровертами. Набор определенных стратегий, характерных для испытуемых обоих типов, мы назвали универсальным комплексом стратегий, и располагаются такие стратегии над типами. Типы испытуемых – экстраверты и интроверты – обозначаются параллелепипедом. Под фигурами, обозначающими тип испытуемых, расположены фигуры, обозначающие стратегии, используемые испытуемыми в процессе идентификации. Как видим, стратегии находятся в середине, на равном рас-

стоянии от противоположных типов испытуемых, что говорит об отсутствии приоритета в использовании той или иной стратегии испытуемыми определенного типа.

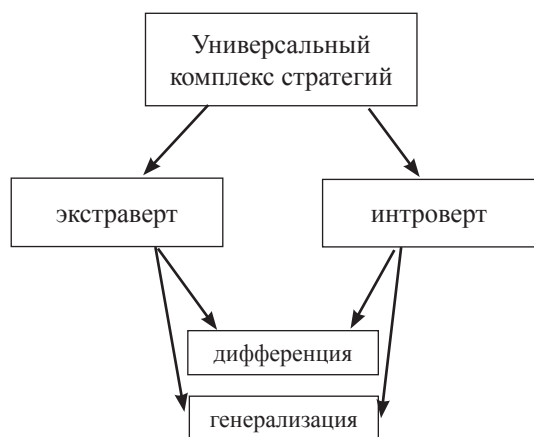

Рис. 1. Стратегии идентификации слова, применяемые испытуемыми в процессе понимания текста

Эксперимент с текстом позволяет сделать вывод, что использование стратегий, противоположных по своей сути, происходит вне зависимости от того, к какому типу принадлежит испытуемый. Р. Стернберг объясняет это так: «...испытуемые имеют тенденцию предпочитать одни стратегии другим потому, что они требуют меньшей нагрузки на рабочую память»⁶.

Таким образом, мы видим, что причина заключается не в испытуемых, а в тексте. Видимо, текст является таким мощным образованием, которое нивелирует определенные индивидуальные особенности. Наш вывод подтверждается исследованиями и других ученых.

Во-первых, вспомним работы А. А. Реформатского, который отмечал, что одинаковые зрительные впечатления, получаемые при прочтении, вызывают одинаковые раздражения в коре головного мозга, различные зрительные впечатления, соответственно различные раздражения. В сознании эти раздражения «проявляются» как переживания единства или контрастности⁷. Как известно, любой знак характеризуется набором признаков: величиной, рисунком и т. д. Набор признаков может быть полностью отличен, а может по одному или двум параметрам совпадать, следовательно, единство признаков отличает один знак от другого, одну букву от другой. В качестве примера А. А. Реформатский рассматривает дра-

матическое произведение, в содержании которого различают три элемента. Это, во-первых, название действующего лица, во-вторых, реплика и, в-третьих, реплика, которые проходят через все произведение с определенным чередованием. Если прописывать все три элемента одним шрифтом, то читать текст будет невозможно (Дон Гуан. Лепорелло. Лепорелло входит). Такая однородность текстовых знаков вызывает представление о подобии или даже о тождестве всех элементов содержания. Необходимо, чтобы каждому элементу содержания соответствовал свой шрифт (Дон Гуан. Лепорелло. Лепорелло входит).

А. А. Реформатский также отмечал, что шрифтовые признаки по силе впечатления на восприятие неравноценны: жирный шрифт, шрифт больших размеров сильнее действует, чем полужирный и меньший по размеру. Привычная роль определенного шрифта влияет на восприятие: как правило, для текстов используют строчный светлый шрифт, для заголовков – полужирный или жирный, для каких-либо особых частей текста – курсив. А. А. Реформатский обратился к понятию «защиты» и изложил «теорию защит» в работе «Техническая редакция книги». Рассматривая термин «защита», автор, прежде всего, говорил о «качестве борьбы в процессе восприятия текста». Читателю для понимания надо преодолеть формальную сторону текста. Основная идея «теории защит» в отношении текста заключается в активизации графики, «при которой диалектически преодолевается противоречие “мертвой буквы”, лежащей между живым смыслом и живым читателем»⁸. Мы полагаем, что именно защиты текста «уравнивают» силу индивидуальных особенностей и тем самым позволяют испытуемым с разными личностными установками одинаково реагировать на возможные сложности текста и понимать его. Причину одинакового реагирования при различных врожденных установках называл в свое время К. Г. Юнг. Он отмечал единственный возможный случай изменения доминирования врожденной установки, когда под влиянием объективных факторов меняется личностный механизм. Это наблюдается при анализе экспериментальных данных, полученных в результате применения методики дополнения. Например, ярко выраженная экстравертная личность меняла установку под влиянием находящегося рядом интроверта, то есть менялась длительность вторичной функ-

ции. Как только чужое влияние проходило, у индивида срабатывал его «родной» механизм. Возможно, текст может являться той «ситуацией», которая способна на время изменить доминирующую установку. В нашем экспериментальном исследовании был использован научно-популярный текст, с одним элементом содержания, и, следовательно, шрифт тоже был один. **А. А. Реформатский отмечал необходимость защиты каждого элемента содержания перед восприятием читателя определенными графическими признаками.** Такая система графических признаков проводится через весь текст. Наш экспериментальный текст не был осложнен никакими сопутствующими факторами типа «запомни!», «действуй!», и, следовательно, не было никаких дополнительных графических признаков, что и является необходимой защитой для данного текста. Таким образом, защитой текста мы будем называть отсутствие необычных, необоснованных, с точки зрения смысла, раздражителей, способных усугубить проявление индивидуальных особенностей.

Второе подтверждение нашим выводам мы находим в статье Т. М. Рогожниковой «Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста»⁹. В этой статье автор описывает эксперимент, материалом для которого послужили переводы одного стихотворения, сделанные разными авторами. Изучая ассоциативный мир слова и текста как средство доступа к индивидуальной картине мира человека, **Т. М. Рогожникова отмечает «разнонаправленность энергии связей ассоциативного мира слова и ассоциативного мира текста в рефлектирующем сознании»**¹⁰. Используя схематичное изображение направления энергии связей, автор полагает, что от слова веер направлен вверх, от текста стрелки веера смотрят вниз. Т. М. Рогожникова считает, что существуют два фактора, необходимых для понимания текста: имеющаяся в сознании индивида система ассоциативных связей слов и действующий во время восприятия механизм компрессии текста, в результате работы которого выявляются ключевые слова. Нам представляется возможным провести здесь параллель с идеей К. Г. Юнга о коллективном бессознательном. Мы через наше бессознательное причастны к исторической коллективной психике. «Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, а priori является образом мира, который сформиро-

вался уже в незапамятные времена и в котором с течением времени выкристаллизовались определенные черты, так называемые архетипы или доминанты»¹¹. Мы считаем, что любое слово-стимул можно условно отнести к коллективному достоянию. «...предметный мир, окружающий нас, мы можем воспринимать как целое только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы, отображенные в нашем сознании в виде образов “низшего” порядка»¹². Стрелки веера, исходящие из одной точки – слова-стимула – и идущие вверх, указывают на место расположения возможной реакции во всей сети. Место нахождения реакции будет зависеть исключительно от личности: ее опыта, знаний, чувств, эмоций и т. д. Это позволяет говорить о разноудаленности реакции по отношению к стимулу. И в связи с этим сеть не располагается ровным куполом – он будет выпуклым.

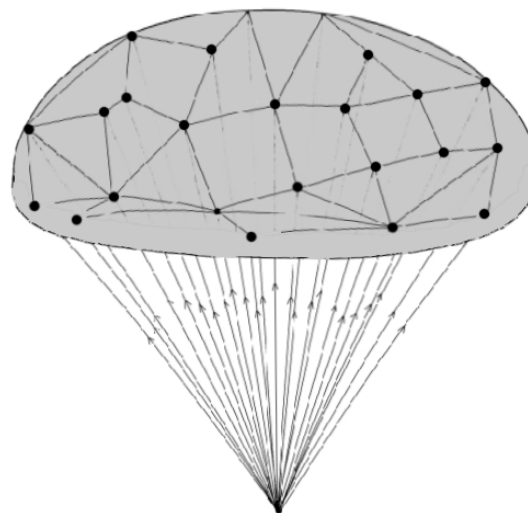

Рис. 2. Ассоциативные связи слова

В психолингвистических исследованиях лексикон трактуется как иерархическая система, состоящая из двух основных ярусов – глубинного и поверхностного. Оба основных яруса состоят из множества подъярусов. На уровне поверхностного яруса связи устанавливаются по признакам звуковой и графической формы, протяженности и т. д. Единицы глубинного яруса обнаруживают большое количество связей по принципу пересечения или совпадения содержания элементов, такое пересечение – совпадение происходит благодаря включению в контекст акта глубинной предикации. А. А. Залевская отмечает, что включение в разнообразные связи происходит по

линии актуализации зрительного, слухового и т. д. характера объекта, называемого словом¹³. Поскольку любое слово включается в многомерную систему связей, то оно соотносится с целым рядом единиц глубинного яруса лексикона. Точки соприкосновения ассоциативной структуры значения и текста давно находились в поле зрения исследователей. Ученые полагали, что любое ассоциативное поле – это набор ключевых слов, что напрямую относит ассоциативное поле к разряду текстов. Ю. А. Сорокин называл ассоциативную структуру свернутым описанием ситуации, которая может быть развернута в тексте, созданном на ее основе¹⁴.

Учитывая текстообразующий потенциал ассоциативного поля, мы можем рассматривать ассоциативное поле как текст и схематично представить его в виде сети (наша память формирует систему взаимосвязанных элементов), поэтому любой текст будет представлять собой сеть. Купол такой сети в отличие от сети ассоциативного поля слова представляется нам ровным, поскольку в тексте все подчинено смыслу и в процессе понимания задействуются только те связи, которые лежат в плоскости текста: текстовое сочетание слов не позволяет сознанию «уйти» далеко в поисках каких-либо ассоциаций, как это происходит в ассоциативном эксперименте. Кроме того, веер направлен вниз, на слово, так как в процессе понимания механизм компрессии приведет нас от текста к нескольким опорным словам.

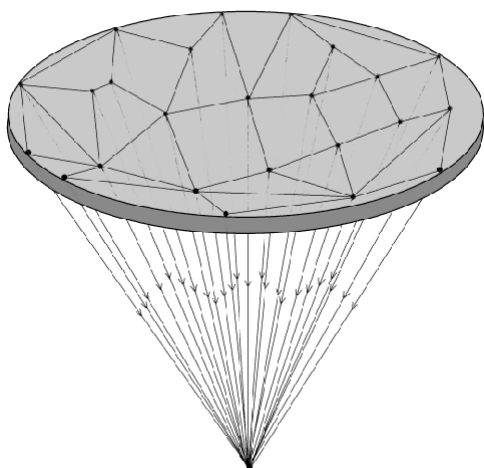

Рис. 3. Ассоциативные связи текста

Т. М. Рогожникова отмечает, что ассоциативные миры слова и текста представляют собой динамичную систему. Существование текста заключается в его постоянном развитии,

которое уходит в глубины индивидуального, «являясь процессом самососредоточения»¹⁵.

Наше представление о существующей разнице связей внутреннего мира текста и слова подтверждается также исследованиями Р. А. Даминовой.

Теоретико-экспериментальное исследование ассоциативной структуры значения и фонетической значимости слова, проведенное Р. А. Даминовой, было направлено на выявление особенностей взаимосвязи слова и его ассоциативного окружения¹⁶. В ходе свободного ассоциативного эксперимента автор получила корпус вербальных реакций объемом в 1900 индивидуальных полей и исследовала этот ассоциативный корпус по двум векторам – коллективный профиль и индивидуальный профиль. В качестве инструмента измерения фоносемантической значимости Р. А. Даминова использовала шкалу «хороший – плохой». Полученные результаты позволили Р. А. Даминовой сделать вывод о существовании определенной закономерности во взаимосвязи слова и его ассоциативного окружения. Специфика взаимодействия, по мнению Р. А. Даминовой, заключается в том, что «они, учитывая их частоту употребления в речи или активность, приводят каждый раз ассоциативный процесс к статическому равновесию (симметрии)...»¹⁷.

В нашем исследовании мы сравниваем индивидуальное поле – авторский текст А. Ильина – и коллективные ассоциативные поля, полученные в ходе эксперимента от испытуемых. Статическое равновесие связей мы изображаем ровной поверхностью со множеством узлов. Коллективное поле, на наш взгляд, характеризуется отсутствием равновесия связей, и, следовательно, поверхность не может быть ровной и гладкой (см. рис. 2). Кроме того, равновесие связей индивидуального ассоциативного поля, в нашем случае – текста, способствует проявлению равновесия и симметрии в механизмах ассоциирования у испытуемых с различными, более того, диаметрально противоположными личностными установками – экстравертами и интровертами.

Итак, структурированные в результате проведенных экспериментов ассоциативные поля экстравертов и интровертов являются некоторой моделью ассоциативно-вербальной сети, которая отражает организацию языковой способности человека. Материалы проведенных экспериментов свидетельствуют о реализации основных путей развития значения слова, ко-

торые укладываются в рамки целого ряда гипотез: гипотезы генерализации, гипотезы дифференциации, гипотезы прототипов и гипотезы характеризующе-определяющего сдвига.

Результаты проведенного контекстного ассоциативного эксперимента обнаружили универсальные и специфические черты в стратегическом вербальном поведении испытуемых, принадлежащих разным психологическим типам. Испытуемые обоих типов использовали все стратегии без ограничения: в этой части эксперимента не зафиксировано четкого использования представителями разных типов «своих» стратегий, характерных только для данного типа испытуемых. Специфичность, зафиксированная нами в ассоциативном эксперименте, перестала быть таковой и превратилась в универсальность. Таким образом, текст, имея в своем арсенале защиты технического характера и отражая статическое равновесие связей ровной поверхностью со множеством узлов (при графическом представлении), сам является мощным внешним объективным условием, которое способно сгладить личностные различия.

Примечания

¹ Богословская, И. В. Научно-популярный текст : сложность понимания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Меэп, 2001.

² Рогожникова, Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста // Проблемы семантики : психолингвистические исследования : сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 47.

³ Богословская, И. В. Понимание научно-популярного текста сквозь призму ассоциативного эксперимента // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 3(2). С. 467–473.

⁴ Богословская, И. В. Экспериментальное исследование проблемы понимания научно-популярного текста // Вестн. МГЛУ. Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты. Сер. «Лингвистика». М., 2007. С. 36–40.

⁵ Богословская, И. В. Понимание : две особенности одного процесса : монография. Уфа : УГАТУ, 2011.

⁶ Стернберг, Р. Триархическая теория интеллекта // Иностранная психология. 1996. № 6. С. 55.

⁷ Реформатский, А. А. Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1987.

⁸ Там же. С. 151.

⁹ Рогожникова, Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира...

¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹ Юнг, К. Г. Очерки по аналитической психологии. Минск : Харвест, 2003. С. 113.

¹² Илиева-Балтова, П. Перевод поэтического текста : опыт экспериментального исследования // Перевод как процесс и как результат : язык, культура, психология. Калинин, 1989.

¹³ Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1990.

¹⁴ Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М. : Наука, 1985.

¹⁵ Рогожникова, Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира... С. 52.

¹⁶ Даминова, Р. А. Единицы ядра ментального лексикона : фоносемантический аспект // Психолингвистика в XX веке : результаты, проблемы, перспективы : XVI междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл. М. : Эйдос, 2009.

¹⁷ Там же. С. 280.